

Борис ЕФИМОВ

На титульном листе двухтомника своих фронтовых дневников Константин Симонов сделал для меня такую надпись: «Дорогому Борису Ефимову, одинаково мужественному и в дни войны, и в дни мира, и на фронте, и в ЦДЛ. Ваш Константин Симонов. 24 мая 1977 года».

Для того, чтобы расшифровать эту полусушительную надпись, мне надо вспомнить о двух встречах из тех многих, которые у меня были с Симоновым.

...Февраль сорок второго года. У подъезда нас ждала тяжеловесная автомашина «ЗИС». Ответственный редактор «Красной Звезды» Давид Ортенберг в это утро в очередной раз выезжал на передовые позиции под Москвой, и, как всегда, его сопровождали сотрудники газеты, в том числе фотокорреспондент Миша Бернштейн. На этот раз взяли и меня.

— А где же «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины?» — спросил Симонов, имея в виду поэта Алексея Суркова, которому было посвящено это стихотворение.

— Я сказал: ждать никого не будем, — сухо сказал Ортенберг. — Поехали!

По пути наша машина остановилась у ворот одного из домов на Поварской улице. Симонов нырнул в глубь двора и скоро вернулся с молодой женщиной в белом полубухе, белой ушанке и белых валенках — настоящей Снегурочкой военного времени. Это была известная актриса театра и кино Валентина Серова. Мы помчались дальше и выехали на Можайское шоссе.

...Когда мы подъехали к штабу дивизии, мороз настолько освирипел, что войти в теплую избу было истинным блаженством. Командиру дивизии Орлову, которому на днях было присвоено звание генерал-майора, Ортенберг привез подарки — генеральскую папаху и шинель с соответствующей нашивкой (погоны еще не были введены). На столе появились горячие щи и мясо, по стаканам, не скрою, разлили разведенный спирт. Были произнесены приличествующие случаю тосты, а потом Симонов прочел свое знаменитое, облетевшее и фронт и тыл стихотворение «Жди меня», адресованное, как все знали, Вале Серовой, но тысячи фронтовиков переписывали его и посылали женам, невестам, подругам. Генерал Орлов с удовольствием осмотрел привезенные ему обновы, но провозжал нас так же, как и встречал, — в закованном полубухе и кожаном танкистском шлеме.

Уже стемнело, когда мы подъехали к переднему краю, вошли в просторную избу, где располагался КП дивизии. Когда мы вошли, какой-то человек стоял на коленях на стуле, кричал в полевой телефон: «Хозяин не доволен такой работой! Хозяин крепко не доволен такой работой! Сколько вы будете возиться с этой высотой? Что? А ты им огуркиков! Огурчиков!» И олять: «Хозяин крепко не доволен такой работой!» Под крики о

Человек своего поколения

Все мы, собственно говоря, «люди своего поколения». Но человек, о котором я хочу рассказать, черты своего поколения воплотил, на мой взгляд, особенно ярко, выпукло, выразительно.

недовольстве неведомого «хозяина» я начал дремать. Симонов и Серова уже сидели рядышком на какой-то раскладушке и о чем-то шептались. Между прочим, мне были известны их заботы: Симонов в это время работал над пьесой «Русские люди», которая вскоре с огромным успехом прошла чуть ли не по всем театрам страны. И одной из целей их поездки была встреча с уже прославившим себя полковником Полосухиным. Из бесед с ним Симонов рассчитывал почерпнуть интересные боевые эпизоды.

Вскоре мы вышли из избы и в ночном сумраке увидели молчаливые ряды одетых в маскировочные белые халаты бойцов, на лыжах, с автоматами и ручными пулеметами в руках. Они готовились к штурму безымянной высоты. Единственным реаль-

ным результатом этой операции была бы, несомненно, бессмысленная гибель нескольких десятков человек. А сколько их было еще впереди, этих «безымянных высоток»...

Следующим этапом нашего передвижения по фронту был командный пункт (КП) генерала Говорова. Будущий Маршал Советского Союза встретил редактора «Красной Звезды» весьма любезно в своей просторной землянке в пять накатов. С ним находились еще два генерала, прибывшие с Дальнего Востока. Ортенберг не отказал себе в удовольствии представить генералам своих спутников.

— Вы видели фильм «Девушка с характером»? Так вот, позвольте вам представить актрису Валентину Серову.

— Как же, как же! — раздавалось в

ответ. — Конечно, видели. Весьма, весьма приятно!

— А вы читали в «Красной Звезде» стихи Константина Симонова? Так вот, он перед вами собственной персоной.

— Как же, как же! Читали. Весьма приятно. Весьма...

— А вы видели в «Красной Звезде» карикатуры Бориса Ефимова? Так вот...

— Как же... — слышалось уже с несколько меньшим энтузиазмом. — Видели... Весьма...

Такая процедура повторялась повсюду, где мы бывали с Ортенбергом...

Из разговора с Говоровым вскоре выяснилось, что проехать в расположение частей Полосухина на тяжеловесном редакционном «ЗИСе» невозможно. Надо было пересаживаться в легковую машину, в которой для всех нас места не хватало. Но Ортенберг быстро разрешил эту проблему:

— Симонов и Серова не разделяются, — сказал редактор. — Бернштейн будет снимать. Здесь останется Ефимов.

В дневнике Симонова об этом лаконично написано: «Отправились дальше на одной «эмке». Ортенберг, поколебавшись, оставил очень недовольного этим Бориса Ефимова на КП армии, договорившись, что захватим его на обратном пути из полосу-хинской дивизии».

...Обратно в Москву мы ехали далеко не с той лихостью, с какой мы мчались из редакции. Ночной путь был труден и мучителен. Мы то и дело застревали в автомобильных «пробках», и тогда наш фотокорреспондент Миша Бернштейн вылезал из машины и, бреча медалями на широкой груди, пробивал нам дорогу. Симонов задумчиво поглядывал трубкой, прислонившись к его плечу, дремала Валя Серова.

Признаюсь, в чем Симонов усмотрел мое «мужество» на фронте, я не знаю. Но «мужественное поведение» спустя много лет мне действительно понадобилось.

Дело в следующем. Интересы и инициативы Симонова не раз выходили за пределы чисто литературных. Ему, как говорится, до всего было дело. Он как-то заинтересовался одной из любопытнейших личностей двадцатых годов — Владимиром Татлиным, художником, скульптором, изобретателем, футуристом, бунтарем. И задумал устроить выставку в ЦДЛ, посвященную многообразной деятельности Татлина, его смелым замыслам и затеям, в том числе знаменитому «Летатлину» — фантастическому летательному аппарату, найденному на каком-то чердаке. Однако замысел такой выставки натолкнулся на яростное сопротивление некоторых маститых академиков, поднявших крик о недопустимости «рекламизации» этого формалистического «шуткарства», безыдейного космополитического упаднического «эпатажа», противопоставляемого партийному искусству социалистического реализма. Сегодня это звучит дико, но тогда это было серьезным

препятствием. Вот тут-то я и проявил то самое «мужество», которое запомнилось Симонову. Я открыто поддержал замысел Симонова и нашел понимание у председателя Союза художников СССР Николая Пonomарева, человека умного, здраво-мыслящего, чуждого тупоумию и казенщины в искусстве. К радости Симонова, выставка состоялась и под потолком знаменитого Дубового зала ЦДЛ благополучно реал легендарный «Летатлин».

А теперь о другом. Мы мало что знаем о семейной жизни таких известных людей, как, скажем, Алексей Сурков, Александр Твардовский, Михаил Светлов, но личные чувства и семейные дела Симонова широко отражены в его поэзии, начиная со знаменитого «Жди меня». Тем самым они стали достоянием миллионов читателей. Мы узнаем, например, что он был чужд ревности, хотя к тому, видимо, были основания, когда читаем, что он:

...не слушал клеветы,
не считал по пальцам тех,
кто звал тебя на «ты».

Непосредственно из стихов Симонова мы впоследствии узнаем: «Я просто разлюбил тебя».

Вспоминается и такая ходившая в то время «байка». Сталину как-то попала на глаза книжка симоновских стихов «С тобой и без тебя», целиком посвященная его чувствам к Серовой. Проглядев ее содержание, Сталин поинтересовался тиражом, довольно значительным, и заметил:

— А по-моему, достаточно было двух экземпляров: один — для него, другой — для нее.

...Симонов, безусловно, не был ангелом с белыми крылышками (а кто им был?). В то сложное и жестокое время выдвигаемый на ответственные редакторские, секретарские и другие «руководящие» посты, он не мог не считаться с политическими реалиями и установками высоких партийных инстанций. И не всегда способный соблюдать эти установки, не всегда угождая этим требованиям, он не раз и не два впадал в немилость, подвергался опале. А также весьма чувствительной проработке в печати. Он был бойцом, человеком отважным, умным, талантливым, порядочным. Вместе с тем Симонов не избежал поступков и ошибок, которых он, по собственному признанию в выступлении на своем юбилейном вечере, не совершил бы, если бы мог начать жизнь сначала. Последние годы своей жизни он часто и тяжело болел.

И как печально звучит написанное им незадолго до его безвременной кончины стихотворное завещание: *Подняв трех дочерей и сына,
Пройдя сквозь девять пятилеток,
Стал под давлением медицины
Ходячим кладбищем таблеток.
И, чтоб не растаскали внуки
Мой, ставший уж целебным прах,
Советской заведи на науку
Развезать на семи ветрах.*

Прах Константина Симонова был действительно рассеян по его желанию на бывших полях сражений под Могилевом.

Борис ЕФИМОВ

Веч. Москва. 1999 — 2 абт. с. 4

2.2.99

Симонов Константин